

Он — Почтенный Ханьян, человек с холодным сердцем и ледяной душой, эгоистичный и безжалостный. Даже если ему останется только ненависть, он всё равно не отпустит Ван Дачжуана. Не хочет заключать союз — пусть не заключает. Пусть его сердце он не сможет завоевать силой, но сам он останется с ним.

Ван Дачжуан смотрел на спину Юй Чанцина, холодную, словно оледеневшую, будто только что утратившую тепло, которое с таким трудом накопилось за последние годы. Сердце его сжалось от боли. Он чувствовал, что не должен отпускать его, не должен позволить Сяньцзюню уйти, иначе точно пожалеет. Он крепко схватил Юй Чанцина за рукав и, запинаясь, произнёс:

— Мы... мы же ещё не договорили. Почему ты вдруг уходишь?

Юй Чанцин медленно обернулся. В его тёмных, мрачных глазах не отражалось ни малейшего света.

— Тогда скажи мне, — тихо произнёс он. — Я хочу заключить с тобой союз, чтобы больше никогда не разлучаться. Ты согласен?

Ван Дачжуан открыл рот, но не смог вымолвить ни слова.

Юй Чанцин, кажется, уже не ждал ответа. Он продолжил ровным голосом:

— Даже если ты не согласишься, ты никогда не покинешь пик Цинъюй и не сбежишь от меня. Я уже говорил тебе: я эгоистичен и жесток, я не добрый человек. Ты сам не поверил, теперь поздно сожалеть. Даже если однажды ты возненавидишь меня, даже если мы обречены провести всю жизнь в заточении друг с другом, я не позволю тебе уйти на свободу.

Ван Дачжуан тяжело вздохнул в душе. Если бы он покинул Юй Чанцина, о какой свободе могла идти речь? Для него самым страшным наказанием было расстаться с ним.

Он смотрел в глаза Юй Чанцина, слушал его мрачные слова, которые даже не звучали как угрозы, и чувствовал, как его сердце разрывается от боли. Он машинально схватил его холодную руку и прижал к своей груди, пытаясь согреть.

— Почему ты всё время говоришь о себе так... плохо? Сяньцзюнь, не злись, дай мне договорить, хорошо? — с болью в голосе сказал он.

Юй Чанцин позволил ему держать свою руку, но не двинулся и не посмотрел на него. Казалось, его взгляд был рассеянным, словно он смотрел в пустоту.

Ван Дачжуан попробовал потянуть его за рукав, надеясь усадить рядом, но не смог сдвинуть его с места. Тогда он заглянул в его глаза — и, заметив в них бесконечную усталость, невольно опустил голову.

Лишь спустя долгое время он неуверенно пробормотал:

— Я... раньше... никогда не смел мечтать о том, чтобы быть с тобой... Ты такой особенный, такой далёкий, словно небожитель. Ты был для меня недостижим...

Он замолчал, набрав в грудь воздуха, и продолжил:

— Союз... это ведь всё равно что брак, верно? Сяньцзюнь, я когда-то решил, что никогда не женюсь. Я не хотел обременять других, да и к женщинам... я ничего не чувствовал. Я не похож на других людей. Я не хотел жениться просто потому, что "так положено", не хотел искать кого-то лишь из-за страха остаться одному. Это должно быть только потому, что... потому, что этот человек любит меня и хочет быть со мной всю жизнь. Он может быть бездарным, некрасивым, у него может ничего не быть, но в этом я не могу идти на компромисс.

Ван Дачжуан поднял глаза и слабо усмехнулся.

— А теперь взгляни на меня, Сяньцзюнь. Я всего лишь смертный. Пусть я и научился культивации, я никогда не стану настоящим бессмертным. У меня никогда не будет такой красоты и величия, как у феи Сяюэ, у меня нет статуса главы секты, чтобы стоять рядом с тобой и смотреть на мир свысока. Я всего лишь простой человек, такой, что в толпе меня не разглядеть.

Он сжал ладонь Юй Чанцина крепче.

— Если ты хочешь, чтобы я остался, я останусь. Я проведу с тобой все свои дни, буду рядом столько, сколько смогу. Тебе не нужно бояться, что я уйду. Не нужно бояться одиночества. Но сейчас посмотри на меня внимательно. Я — Ван Дачжуан. До встречи с тобой я был просто деревенским охотником. У меня простое имя, обычная внешность, я...

Юй Чанцин постепенно сосредоточил взгляд на его лице и прервал его:

— Я с рождения был холоден и уже привык к одиночеству. Даже если мне суждено быть одному всю вечность, я не боюсь этого. Я никогда не стал бы заключать союз, чтобы заполнить пустоту... Я, Юй Чанцин, люблю тебя и хочу быть с тобой всю жизнь. Другие красавицы, власть и богатства — всё это для меня ничего не значит. А ты?

Ван Дачжуан замер. Он смотрел на серьёзное лицо Юй Чанцина, слушал его слова, звучащие как клятва, и чувствовал, как дыхание перехватывает. Его сердце переполнялось чем-то — радостью или ещё чем-то, — но оно было настолько полным, что не оставалось места ни для чего другого. Оно болело от переполнявших его чувств, а голова кружилась, словно он был во сне.

Через некоторое время он осторожно поднял руку и коснулся лица своего Сяньцзюня. Его губы

дрожали, прежде чем он наконец произнёс тихим голосом:

— Ты действительно... Я... я тоже люблю только тебя, Сяньцзюнь! Какие бы ни были другие, никто не сравнится с тобой, даже наполовину. Не из-за красоты, не из-за твоего положения — просто потому, что это ты...

Его сердце переполняла радость, но он не мог засмеяться. Он только бессвязно говорил:

— Когда ты ушёл из деревни Ван, я сходил с ума от тоски. Я жалел, что не согласился уйти с тобой. А потом ты вернулся... Ты не знаешь, как я был счастлив, когда увидел тебя в тот вечер. Мне было жаль деревню, ведь я вырос там, но с тех пор, как я попал на пик Цинъюй, я никогда не думал о том, чтобы покинуть тебя.

Его голос задрожал.

— Сяньцзюнь, не говори, что ты плохой. Для меня ты — лучший в мире. Я не умею говорить красивые слова, но я... я хочу, чтобы ты знал, что ты мне очень дорог. Я не хочу расставаться с тобой ни на мгновение. Я и представить не мог, что ты... что ты испытываешь ко мне такие же чувства. Я безумно счастлив. Раньше я колебался не потому, что не люблю тебя, а потому, что боялся... что ты хочешь заключить союз не из любви, а по какой-то другой причине. Сяньцзюнь, я... я больше не заставлю тебя страдать. Я обещаю: я всегда буду к тебе добр...

Сердце Юй Чанцина, с каждым его словом, становилось всё светлее, как если бы ночные тучи расступились, пропуская яркий лунный свет. Все его сомнения исчезли. Оказывается, Ван Дачжуан жалел, что не ушёл с ним тогда. И всё это время на пике Цинъюй он оставался не потому, что не мог уйти, а потому что сам не хотел.

Грудь Юй Чанцина наполнилась странной, но приятной тяжестью, а сознание окутало лёгкое головокружение. Только теперь он осознал, что всё это время бессознательно задерживал дыхание. И стоило лишь выдохнуть, как свежий поток ворвался внутрь, ослепив его, заставив окружающий мир слегка расплыться перед глазами. Он никогда прежде не знал, что на свете может существовать такой ответ, который способен так его взволновать. Что может существовать человек, одно слово которого способно вознести к небесам или сбросить в бездну.

Глядя на стоящего перед ним мужчину, который, неуклюже подбирая слова, робко приближался и обещал заботиться о нём, Юй Чанцин ощутил, как в груди поднимается некая жаркая, необъяснимая волна — нестерпимое желание выразить всё, что он чувствует, выплеснуть наружу эту бурю эмоций.

Он неосознанно склонился ближе, медленно приближаясь к лицу Ван Дачжуана. Они сблизились настолько, что в глазах другого отражался собственный взгляд, а дыхание смешалось в едином потоке. И вдруг его сердце сжалось от неожиданного чувства — лёгкого, неведомого ранее смущения. Лёгкий румянец снова появился на его щеках.

<http://bllate.org/book/12569/1117975>